

В комнате рядами стояли железные клетки. На первый взгляд их было несколько десятков. В большинстве клеток находилось нечто человекообразное. В холодноватом свете ламп вся комната казалась выцветшим и мёртвым кадром из старого фильма.

Ближайшая к Лю Тяньяну клетка стояла всего в полуметре. Человек внутри, похоже, почувствовал свет или услышал щелчок выключателя и, весь дрожа, забился в угол клетки с таким ужасом, будто перед ним уже подняли нож.

Но Лю Тяньян, глядя на его ввалившиеся глазницы, от которых остались лишь две кровавые ямы, и на рот без языка, распахнутый от страха, испугался ничуть не меньше.

В клетках не было ни одного целого человека. У большинства лица были повреждены в разной степени: у кого-то не хватало черт, у кого-то исчезли руки или ноги; одним отрубили руки от предплечий, у других ноги полностью отсутствовали уже от бёдер. Но даже с изуродованными лицами, без рук и без ног, они всё ещё дышали. Всё ещё были живы. Просто не имели ни малейшей возможности сопротивляться ножу судьбы.

К горлу Лю Тяньяна подступила сильная тошнота. Ужас бил именно потому, что в этих людях он видел таких же, как он сам. От увиденного у него сами собой задрожали руки и ноги, будто в железных клетках заперли не их, а его.

Строго говоря, только сейчас Лю Тяньян по-настоящему осознал, насколько он слаб и как легко в любую минуту может соскользнуть к такому же концу.

Нет. Нужно бежать. Немедленно бежать. Подгоняемый желанием выжить, Лю Тяньян с трудом понял, что должен делать. Те из людей в клетках, кто ещё мог видеть, за несколько коротких секунд уже определили, кто он. Их чёрные, полные мертвенной пустоты глаза молча смотрели на него.

На ведёрке с мороженым выступило множество мелких капель воды. Оно стало скользким и чуть не выскользнуло из рук Лю Тяньяна. Есть ему уже совсем не хотелось, но он не осмелился оставить мороженое здесь и тем самым выдать, что приходил. Поэтому он кое-как прижал ведёрко к груди и тихо дрожал от его ледяного холода.

Если я сейчас уйду отсюда, вернусь наверх, никто не узнает, что я спускался. Тогда всё будет хорошо. Со мной ничего не случится. Ничего не случится...

Мысли Лю Тяньяна путались. Он изо всех сил заставлял свои ноги, размякшие от страха, подчиняться ему. Дышал он тяжело. Дрожащая рука уже нащупала дверную ручку, он как раз собирался выйти, но внезапно услышал звук работающего лифта.

Всё. Кто-то идёт.

Едва успев немного успокоиться, Лю Тяньян снова весь сжался. Кожа на голове будто взорвалась мурашками, из горла уже вырвался сдавленный позыв к рвоте, и он почти осел на пол.

Но глубинное, животное желание жить всё же заставило Лю Тяньяна быстро выключить свет и прикрыть за собой дверь, которая прежде оставалась наполовину приоткрытой. Почти в то же мгновение он услышал, как раскрылись двери лифта. Кто-то вышел из кабины.

Лю Тяньян не успел ни о чём подумать. По памяти, по тому плану комнаты, который успел мельком увидеть за секунду до того, как погас свет, он в панике бросился в глубь помещения и

кое-как спрятался за несколькими клетками, стоявшими ближе к внутренней стене.

Человек, спустившийся сюда, необязательно войдёт именно в эту комнату. Даже если войдёт, пока он не пройдёт внутрь, стоя у двери, он, наверное, не увидит его. Лю Тяньян утешал себя этим, но на деле дрожал как осиновый лист. Сердце колотилось так, будто уже знало: в следующую секунду он умрёт.

В комнате не было ни капли света, и Лю Тяньян ничего не видел. Зато остальные чувства постепенно обострились. Чьё-то дыхание касалось его лица. Оно доносилось из клетки, к которой он прижался. Тёплое ощущение, казалось бы, должно было принести утешение, но сейчас Лю Тяньян чувствовал только искорёженный ужас.

Шаги за дверью приближались. Лю Тяньян зажмурился и беззвучно бормотал, в душе молясь, чтобы тот человек не пришёл сюда. Из-за этих шагов люди в клетках тоже начали тревожиться, и их беспокойство, словно цепной реакцией, передалось Лю Тяньяну.

Дверь открылась, закрылась. По звуку можно было определить, далеко это или близко. Холодильная комната, морозильная... Потом шаги остановились. Кто-то толкнул последнюю дверь.

Лю Тяньян крепко зажмурился. Слезы выдавились из уголков глаз и бесшумно скатились на одежду. Он изо всех сил зажимал себе рот, не позволяя неконтролируемым всхлипам, рвущимся наружу от чрезмерного страха, выдать его в тишине.

Щёлк.

Свет снова загорелся.

Лю Тяньян не удержался и чуть приоткрыл глаза, чтобы понять, надёжно ли спрятался. К счастью, клетки, за которыми он в спешке укрылся, оказались там, куда свет почти не доставал, и вокруг него как раз сгустилась тень. Он из этой тени не видел, кто стоит у двери, значит, и тот человек, вероятно, не мог видеть его.

Но когда Лю Тяньян отвёл взгляд, краем глаза он заметил, что человек в клетке, к которой он прижимался, тоже придвинулся к решётке. Его голова почти соприкасалась с головой Лю Тяньяна. Глаза у него ещё были, но носа и рта не осталось. Нижняя челюсть вместе с зубами была обнажена. Он явно был человеком, но выглядел как скелет. Его взгляд неотрывно смотрел на Лю Тяньяна. Он не говорил ни слова, однако Лю Тяньян всё равно уловил в этих глазах тень насмешки, будто тот уже точно знал, чем всё для него закончится.

То самое тёплое дыхание только что исходило от него.

Изуродованный человек в клетке снова издал тот звук, что и в первый миг, когда увидел Лю Тяньяна. Страх в нём было ещё больше, чем раньше, будто у двери стоял не человек, а сама смерть, пришедшая срезать жизнь.

Слезы Лю Тяньяна текли без остановки, падали в подтаявшее мороженое у него в руках и смешивались с душным, гнилым запахом крови в комнате.

Человек у двери неторопливо вошёл внутрь. Лю Тяньян услышал звон связки ключей, затем звук ключа, вставленного в замок. Через проход от него пришедший открыл дверцу одной из железных клеток и легко выволок человека, запертого внутри.

«У-у...»

Лю Тяньян услышал очень слабую борьбу и испуганное мычание. Он всё же не выдержал, осторожно высунул голову, чтобы увидеть, что делает тот человек.

Из-за клеток обзор был ограничен, да и пришедший стоял к Лю Тяньяну спиной. Лю Тяньян видел лишь, как тот одной рукой прижал человека из клетки, положил его на огромную разделочную доску, затем поднял большой тесак и одним взмахом отрубил ему бедро.

Кровь брызнула на миг, но под действием способности быстро стянулась и покрылась коркой. Алый цвет оказался заперт под тонкой, хрупкой кожей, а срезанный с тела кусок мяса на поперечном срезе даже чуть подрагивал мышцами.

Лю Тяньян чуть не потерял сознание. Зажатая под мышкой бутылка колы немного сползла вниз, и он успел поймать её прежде, чем она упала на пол. Но пузырьки внутри бутылки зашевелились и издали едва различимый потрескивающий звук.

Лю Тяньян увидел, как рука того человека, державшая отрубленную ногу, на мгновение застыла. Он быстро втянул голову обратно и затаил дыхание, не осмеливаясь издать больше ни звука.

К счастью, задержка в движении длилась всего секунду. Вскоре Лю Тяньян услышал удаляющиеся шаги. Свет снова погас, дверь тоже закрылась.

Решив, что тот человек уже ушёл достаточно далеко, Лю Тяньян наконец резко выдохнул. В пустой комнате его дыхание сразу стало слишком явным, слишком живым. Он опёрся руками о пол, поднялся и, шатаясь, пошёл к выходу, держась за железные клетки. В этот миг он ненавидел лишь одно: что всё это не кошмар, из которого можно немедленно проснуться.

Однако, свернув в другой проход и пройдя ещё немного, уже почти решив, что скоро окажется у двери, Лю Тяньян почувствовал, как под ногой что-то мягко продавилось. Он наступил на что-то вроде человеческой ступни. В тот же миг его плечо задело другое, твёрдое и высокое, человекообразное тело.

Сердце ухнуло. Только теперь его мутная голова вспомнила: он слышал, как тот человек вроде бы ушёл, слышал звук закрывшейся двери, но не слышал единственного звука, который означал бы выход с этого этажа, звука работающего лифта.

Человек, вошедший сюда, вообще не уходил!

Лю Тяньян хотел отступить, но его руку крепко схватили. Сила была такой, будто руку зажало механическим устройством, и вырваться он не мог.

Свет загорелся в третий раз. От ужаса лицо Лю Тяньяна уже не могло нормально выразить эмоции, все черты перекосило на пухлом лице. А совсем рядом мужчина, который только что небрежно отрубил человеку ногу и походил на мясника, смотрел на него с каким-то странным интересом. В уголках его губ даже висела улыбка.

— Ха. Здесь, оказывается, ещё и крыса завелась?

Его взгляд скользнул по коле и мороженому в руках Лю Тяньяна. Пальцы, сжимавшие руку Лю Тяньяна, немного усилили хватку, и Лю Тяньян услышал, как в его руке хрустнула кость. Но даже вскрикнуть от боли он не посмел.

Лю Тяньян выдавил заискивающую улыбку. От боли по лбу непрерывно катился пот.

— Б-брат, я случайно сюда спустился. Я вообще-то жил наверху. Можно сказать, я гость вашего начальства.

— О, так это ты, — на лице мясника появилось понимание, и эта перемена заставила Лю Тяньяна ошибочно подумать, что появился шанс.

— Да, да. Может, отпустишь меня наверх? Я могу сделать вид, что ничего не видел.

— Только учитель отправлял людей проверить, — мясник медленно приблизился к Лю Тяньяну.
— Похоже, ты не сказал правду. Твой брат, кажется, не только не считает тебя важным, а ещё и очень тебя ненавидит. В таком случае от тебя, вроде бы, вообще нет пользы, верно?

Лю Тяньян и правда не удержался, и из него вышло несколько капель мочи. Тень смерти накрыла его так близко, как никогда прежде.

— В конце света такие толстяки, как ты, уже редко встречаются. Думаю, если иногда попробовать мясо с жирком, наставнице тоже понравится.

Лю Тяньян наконец больше не смог сохранять даже жалкий вид приличия. Лицо его сморщилось, и он громко разрыдался.

— Умоляю тебя! Я не хочу умирать! Я не хочу умирать!

Его трусливый вид вызвал у мясника холодную усмешку. Тот уже собирался сказать ещё что-то, но вдруг за дверью снова раздался звук работающего лифта.

Кабина остановилась. С коротким «динь-дон» двери лифта раскрылись.

Мясник решил, что за Лю Тяньяном спустились. Он небрежно швырнул Лю Тяньяна на пол, развернулся и пошёл наружу, одновременно говоря:

— Можешь не искать, этот пацан здесь. Я как раз сказал, что проще его порубить на блюдо. Как думаешь, учитель согласится?

Мясник вышел за дверь. Двери лифта ещё не закрылись, но кабина была пустой. В коридоре тоже не было ни одного человека. В глазах мясника мелькнуло сомнение. Он не знал, сбилась ли программа лифта и тот по ошибке пришёл сам. Затем он обернулся, намереваясь продолжить разбираться с Лю Тяньяном.

В комнате Лю Тяньяну уже было не до растёкшегося по полу мороженого. Он не мог даже встать и, подгоняемый желанием жить, лишь заставлял себя ползти вглубь комнаты, к углу. Чем дальше от опасности, тем лучше.

Прошло семь или восемь секунд. Снаружи не донеслось ни разговора мясника с кем-либо, ни чужого голоса. Лю Тяньян словно услышал собственный смертный приговор. Он съёжился в углу и жадно хватал ртом воздух, будто стоило пропустить один вдох, и он задохнулся бы.

Дверь снова открылась.

Лю Тяньян обхватил колени руками. Он был всего в шаге от обморока. У вошедшего не было слышно шагов, но его тень становилась всё ближе, пока наконец не остановилась прямо перед Лю Тяньяном. Взгляд Лю Тяньяна был опущен вниз, и он видел только носки чужой обуви.

— Умоляю, не убивай меня. Я хочу домой. Папа... у-у-у, я хочу к папе...

Лю Тяньян рыдал так, что почти задохнулся.

Он не хотел играть здесь с мясником в кошки-мышки. Он хотел только домой.

Но ответом ему стал не голос мясника. Голос над головой был холодным и спокойным, однако в нём будто пряталась тень безмолвного недоумения:

— Если хочешь домой, встань. Что ты тут присел, грибы выращиваешь?

Э?

Лю Тяньян на мгновение оцепенел. Ему показалось, что он услышал голос Цзян Лэ. Он резко поднял голову, но тут же разочаровался. Лицо перед ним было совершенно незнакомым. Голос, наверное, просто совпал.

— П-правда? — Лю Тяньян, как варёная креветка на ватных ногах, несколько раз попытался подняться и только потом, держась за железную клетку, сумел встать. Он при этом изо всех сил старался дышать.

Но ощущение удушья накрыло его. Глаза Лю Тяньяна широко раскрылись. Вскоре он понял, что это не иллюзия, а настоящее удушье.

— Ты хочешь меня убить? Можешь... можешь сделать это сразу? Зачем... зачем душить меня...

Лю Тяньян согнулся. Чем сильнее он пытался вдохнуть, тем невозможнее становилось дышать.

Лицо того обладателя способности стало ещё холоднее. Он, очевидно, счёл Лю Тяньяна глупым до невозможности. Потом протянул руку и зажал Лю Тяньяну рот и нос, словно действительно решил попросту задушить его.

Лю Тяньян попытался оторвать чужую руку от своего лица, но силой он вообще не мог соперничать с этим человеком. Кислорода становилось всё меньше. Постепенно, уже в тот миг, когда он почти отказался от борьбы за жизнь, рука обладателя способности наконец отпустила его.

— У тебя дыхательный алкалоз, — сказал обладатель способности и одновременно окинул взглядом комнату. Его брови слегка нахмурились. Похоже, происходящее здесь ему тоже не нравилось.

Лю Тяньян немного пришёл в себя и замедлил дыхание. Действительно, стало куда легче, чем раньше. Лицо у него покраснело, и он замолчал.

Человек перед ним уже развернулся и пошёл наружу. Хотя Лю Тяньян не чувствовал от него особой доброжелательности, по сравнению с мясником даже такой короткий разговор дал ему небывалое ощущение безопасности. Этот человек, похоже, действительно не собирался его убивать. Иначе не стал бы только что спасать.

Правда это или нет, Лю Тяньян не смел упустить единственную ниточку спасения. Дрожа обеими ногами, он поплёлся следом. У двери он увидел, что тот извращённый мясник лежит на полу. Кажется, живой. Его глаза не мигая смотрели на Лю Тяньяна и на этого появившегося позже обладателя способности.

Психологическая тень была слишком сильной. От одного этого взгляда Лю Тяньян чуть не вскрикнул и тут же спрятался за спину пришедшего обладателя способности.

Тот никак не обратил внимания на мясника, лежавшего на полу, и указал на лифт.

— Как спустился, так и поднимайся. Поднимешься, сразу садись на служебный автобус обратно в Дунфан. Как потом выберешься, это уже будет зависеть от тебя.

Лю Тяньян почти готов был встать перед ним на колени и отбить поклон.

— Спасибо тебе, брат! Ты мне как второй отец и вторая мать!

— Хватит болтать. Если не уйдёшь, сдохнешь здесь, и никто тобой не займётся.

Даже манера ругаться у него была ещё больше похожа на Цзян Лэ. Может, это тоже какая-то судьба.

Лю Тяньян бешено закивал, быстро добежал до лифта, дождался, пока двери раскроются, и юркнул внутрь. Лифт пришёл в движение, и наконец он покинул эту клетку, похожую на настоящий ад.

А Цзян Лэ смотрел, как исчезает фигура Лю Тяньяна. Он не ожидал встретить Лю Тяньяна здесь, но это уже не имело большого значения. Взгляд Цзян Лэ снова опустился на мясника, лежавшего на полу. Он присел, рукой зажал мяснику подбородок и внимательно осмотрел его с головы до ног, не упустив ни цвета зрачков, ни родинок на лице.

Этот обладатель способности 7-го уровня сейчас лежал на полу. Он был ещё жив, но полностью лишился возможности двигаться. Даже информация в его мозгу безумно копировалась мутировавшим женьшенем.

В мозгу мясника были некоторые механизмы сопротивления, выработанные тренировками. Но между обладателем способности 7-го уровня и ментальным мутировавшим видом 10-го уровня разница в атаке и защите была совершенно разного порядка. По крайней мере примерный маршрут тех подземных этажей, которые были ему хорошо знакомы, уже передавался в сознание Цзян Лэ.

Рабочее удостоверение на шее Цзян Лэ выскользнуло наружу. Мясник посмотрел на фотографию и имя под ней и с трудом произнёс два слова:

— Е... Сяо...

Словно хотел запомнить имя врага.

Цзян Лэ уловил этот звук. Он опустил взгляд на своё удостоверение.

— А, это. Его надо обновить.

Цзян Лэ небрежно снял рабочее удостоверение Е Сяо. Карточка у него на ладони исчезла без следа, а лицо Цзян Лэ под пристальным, полным ненависти взглядом мясника начало постепенно меняться и становиться таким же, как у самого мясника. В конце концов мяснику показалось, будто он смотрит в зеркало.

Глаза мясника распахивались всё шире. Он своими глазами видел, как Цзян Лэ нашёл на его теле рабочее удостоверение, принадлежавшее ему.

Маленькая карточка легла на ладонь Цзян Лэ. Цзян Лэ прочитал имя на ней:

— Чжай Сунцюань.

Мясник смотрел, как человек с лицом, совершенно одинаковым с его собственным, медленно улыбнулся. Они встретились взглядами. Голос собеседника был мягким, будто при первой встрече он вежливо представлялся:

— Здравствуй. Меня зовут Чжай Сунцюань.

Абсурдно, но именно эти слова стали последним, что Чжай Сунцюань услышал в жизни. При таком подавляющем разрыве между силой и слабостью он до самой смерти так и не понял, где именно всё пошло не так.

Цзян Лэ разобрался с телом Чжай Сунцюаня и снова посмотрел на ту человеческую ногу, которую недавно отрубили. Потом повернулся и вошёл в комнату, где выращивали людей.

Большинство людей здесь уже не могли говорить, но мутировавшему женьшеню было достаточно мыслей в их сознании.

— Если я смогу успешно решить здешние дела, я постараюсь вытащить вас отсюда, — сказал Цзян Лэ.

Он так сказал и так действительно думал. Просто он сам не был уверен, насколько велика вероятность, что он сумеет выбраться отсюда.

Однако через отклик мутировавшего женьшеня Цзян Лэ услышал, что все их мысли были одинаковыми.

«Умоляю, убей меня. Убей нас немедленно».

«Я хочу умереть. Я только хочу умереть».

«Больно. Так больно. Больно каждую минуту, каждую секунду».

Как жить дальше в конце света в таком изуродованном и искалеченном виде? Даже если бы они могли жить, душевные увечья уже полностью лишили этих замученных людей желания выживать. Внутри у них остались только бесконечное отчаяние и ненависть.

Цзян Лэ тихо закрыл глаза. Желание смерти было слишком сильным. Настолько, что единственное, что он, казалось, мог сделать, — уважить их выбор. Разные позиции, разный опыт. Заставлять их надеяться, что они смогут хорошо жить дальше, разве это не было бы ещё одной формой подавления их воли?

— Хорошо, — согласился Цзян Лэ.

Стоило его голосу стихнуть, как в комнате поднялась волна способности. Ветви и листья мутировавшего женьшеня высунулись из посадочного сосуда, медленно раскрывая свежие зелёные почки. Бесконечная адская боль в комнате в этот миг внезапно оборвалась. Попытки плоти и ощущения души отделились друг от друга. Сознание людей в клетках словно отбросило обратно в материнскую утробу, и они поплыли в тёплой, мягкой темноте.

Воспоминаний нескольких десятков людей хватило мутировавшему женьшеню, чтобы сплести для каждого отрезок современной мирной жизни без изъянов. За несколько минут до того, как

они перестали дышать, тень конца света исчезла. Они вернулись в мир до апокалипсиса: к родным, к друзьям, к возлюбленным.

Кто-то выбрал вернуться в родной дом и жить без вечной гонки. В семейном фруктовом саду он набрал полную большую корзину плодов, поднял голову к яркому солнцу и узнал, что в этом году закупочная цена на фрукты очень хорошая. Он улыбнулся и небрежно вытер пот полотенцем, лежавшим на плече.

Кто-то превосходно проявил себя на работе и получил солидные комиссионные и наконец смог повезти жену отдыхать на зарубежный остров. Перед солнцем, пляжем и морскими волнами жена сказала ему, что беременна, и они крепко прижались друг к другу.

Кто-то по собственному замыслу добился огромного прогресса в науке, восполнил пробел в соответствующей области, прославился и в главном актовом зале высшего учебного заведения рассказывал о горечи и трудностях своего пути, вдохновляя тех, кто шёл следом.

В области сознания несколько минут могли растянуться на целую оставшуюся жизнь. Как бы то ни было, когда эти люди умерли по-настоящему, выражения их лиц были спокойными и умиротворёнными. Телесная боль больше не мучила их.

Цзян Лэ собрал их искалеченные тела и временно поместил все в пространство. Если появится возможность, он хотел вынести их отсюда и похоронить.

Но сейчас у него были дела куда более срочные.

В дверях лифта отражалось лицо без выражения. Если до того, как войти сюда, у Цзян Лэ ещё были разные мысли, то увиденного только что уже хватило, чтобы он не считал, будто у Сян Пина может быть хоть какое-то оправдание.

Впрочем, Цзян Лэ думал, что Сян Пин, скорее всего, и не собирался оправдываться. Люди, которые так естественно и без тени сомнения давили чужие жизни и чужую волю, всегда смотрели на слабых как на муравьёв.

Цзян Лэ лишь хотел понять, чего именно добивается Сян Пин и до какой степени собирается зайти.

Лифт спустился ещё на один этаж. Двери снова раскрылись. В руках Цзян Лэ держал поднос, на котором лежала та самая свежая человеческая нога. У дверей лифта на этом этаже стояли два охранника, и в ту же секунду, когда двери открылись, их взгляды упали на лицо Цзян Лэ.

Однако из воспоминаний Чжай Сунцюаня Цзян Лэ уже получил достаточно информации, чтобы без единой прорехи сыграть его роль. Двое охранников лишь взглянули на него, затем отвернулись и чуть сместили ноги, освобождая Цзян Лэ дорогу.

Подземная площадь здесь была ещё больше, чем на верхнем этаже. Коридор имел форму буквы «Г», все лампы светили холодным светом. На пересечении двух коридоров стояло горшечное растение выше двух метров: яблоня.

А напротив яблони, в конце коридора находилась дверь, к которой и направлялся Цзян Лэ. Это было место, куда Чжай Сунцюань ходил чаще всего.

Ковёр поглощал любые возможные шаги. По обеим сторонам длинного коридора висели картины разного размера, а ещё пейзажные фотографии с довольно посредственным качеством съёмки. Дойдя до двери в конце коридора, Цзян Лэ увидел на дверной коробке низкие отметки роста, будто кто-то когда-то записывал здесь, как растёт ребёнок.

Только эти записи остановились на отметке «121» и больше никогда не менялись.

Взгляд Цзян Лэ ровно скользнул с цифры. Он поднял руку и повернул ручку двери. В комнате горели нижние светильники, свет снизу вверх достаточно ясно обрисовывал все предметы внутри.

Перешагнув порог, он оказался в прихожей. Чуть дальше располагались открытая кухня и остров.

Цзян Лэ не закрыл дверь. Неизвестно, было ли это привычкой Чжай Сунцюаня или здешним правилом. В любом случае он, следуя привычному порядку Чжай Сунцюаня, подошёл к острову, повернулся и положил человеческую ногу на разделочную доску на столешнице.

Охранники через коридор могли отчётливо видеть действия Цзян Лэ. Здесь лежал полный набор западных ножей. Обычно Чжай Сунцюань тратил больше десяти минут, чтобы нарезать мясо тонкими ровными ломтиками, а потом доставал дорогую посуду и красиво выкладывал блюдо.

Но Цзян Лэ просто убрал эту ногу в пространство. Прикрываясь собственным телом, он взял нож и простоял у кухонного острова достаточное время. Затем повернулся, держа поднос, и пошёл в другую комнату внутри.

На самом деле заходить туда было уже почти не нужно. С того мгновения, как Цзян Лэ ступил в эту комнату, мёртвое дыхание зомби уже совершенно не скрывалось и непрерывно било ему в лицо. Он уже примерно понимал, что находится внутри.

Но когда Цзян Лэ повернул ручку и открыл дверь, зомби он не увидел. На стене этой спальни обнаружилась лишь узкая прорезь, достаточно большая, чтобы туда можно было поставить поднос. Снаружи за прорезью находился подъёмный механизм. Именно через эту маленькую щель просачивалось дыхание зомби. Что касается остального, из-за ограниченного обзора Цзян Лэ ничего не видел.

Чжай Сунцюань ясно говорил, что эти вещи готовили для его наставницы. Первоначально Цзян Лэ предполагал какую-нибудь извращённую страсть к людоедству, но сейчас обнаружил: кажется, всё было не так.

Он небрежно поставил поднос в сторону, покинул эту комнату и тем же путём вернулся к лифту. Одних пяти чувств уже было достаточно, чтобы понять: на этом этаже не осталось ничего, достойного глубокого расследования.

Полномочия рабочей карты Чжай Сунцюаня были очень высокими. Следующий нижний этаж тоже открылся после считывания. Похоже, сюда он в обычное время тоже мог попасть.

Площадь этого этажа была более чем вдвое больше предыдущего. Когда двери лифта раскрылись, перед Цзян Лэ оказались не только охранники. Мимо быстрым шагом прошли и другие обладатели способностей. Один из них держал в руках какие-то бумажные материалы и, не задерживаясь, пересёк коридор и вошёл в другую комнату.

В центральной части этажа находилась комната, со всех четырёх сторон окружённая панорамными стеклянными стенами. Внутри стояли несколько обладателей способностей и управляли какими-то устройствами. Экспериментальное оборудование в помещении несло на себе такой сильный отпечаток мира до апокалипсиса, что почти заставляло человека поверить: он случайно забрёл в научно-исследовательское учреждение прежних времён.

Но беспорядочно колеблющиеся в воздухе ауры способностей тут же напоминали Цзян Лэ, какова настоящая природа этого места.

Цзян Лэ не задерживался в коридоре. Вскоре, проходя дальше, он обнаружил операционную, которой не видел в наземном здании.

Двери операционной были плотно закрыты, но на двери имелось стеклянное окно, через которое можно было заглянуть внутрь. Сквозь стекло Цзян Лэ увидел двух обладателей способностей, одетых врачами, и нескольких медсестёр. Они работали у операционного стола. Помимо современных хирургических инструментов, первым, что приковало взгляд Цзян Лэ, был кусок метеорита. Он был уже немного повреждён, но всё ещё непрерывно испускал энергию.

Судя по внешности, на столе лежал обычный человек. Его руки и ноги были привязаны к боковым креплениям стола точно так же, как Цзян Лэ видел в морге. Сейчас его тело неконтролируемо дёргалось от действий врачей.

Это была операция, в ходе которой обычного человека пытались превратить в обладателя способности.

Люди внутри, похоже, заметили присутствие Цзян Лэ и повернули головы. Цзян Лэ не стал скрываться и просто отступил на шаг в сторону. Через некоторое время из операционной вышла медсестра.

Цзян Лэ видел её лицо в воспоминаниях Чжай Сунцюаня. Кажется, ей уже не нужно было возвращаться в операционную. Она взглянула на Цзян Лэ и протянула к нему руку требовательным жестом.

Цзян Лэ пошарил в кармане и достал кусочек шоколада, передал ей.

Не Вэй развернула обёртку и отправила шоколад в рот, слегка пожаловавшись:

— Опять провозились полдня. Если не восполнить силы, я скоро прямо там грохнусь.

— Как проходит операция? — спросил Цзян Лэ, и голос его почти полностью совпадал с голосом Чжай Сунцюаня.

Не Вэй не уловила ничего странного. Она улыбнулась и сказала:

— Никак. Всё ещё безуспешно.

— Прости, — сказал Цзян Лэ.

Не Вэй странно посмотрела на него. Её язык толкнул ещё не растаявший кусочек шоколада в другую сторону, но тон по-прежнему оставался лёгким:

— За что тут извиняться? Это ведь хорошо, разве нет?

<http://bllate.org/book/17649/1691120>